

Евгений Чернобыльский

Фантастический роман

Точка бифуркации

«Они могли спасти жизни, но выбрали наживу».

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Евгений Чернобыльский

Точка бифуркации

«Автор»

2018

Чернобыльский Е.

Точка бифуркации / Е. Чернобыльский — «Автор», 2018

ISBN 978-5-532-11365-7

Они могли спасти жизни и предотвращать катастрофы, но выбрали наживу и безнаказанность. Почти три года Кирилл помогает богатым клиентам. Во временной петле он Оператор. Лишь одна из функций в большом механизме. Задачи Кирилла – сохранить жизнь клиента и вернуть время в исходную точку. Ошибка Оператора грозит оставить тёмные фантазии в реальности. По большому счету, Кирилл ничего не знает о своих работодателях и их технологии. Когда приходит беда, Оператор может положиться только на себя и серийного убийцу. Вокруг остались те, кто продает и творит беззаконие. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-11365-7

© Чернобыльский Е., 2018

© Автор, 2018

Пролог

Молодая запыхавшаяся женщина выбежала из здания и замерла на крыльце. Она затравленно озиралась судорожно глотая воздух, подгибающиеся ноги не держали тело. Вместо крика о помощи изо рта вырвался сдавленный хрип. Одновременно с рассекшим воздух выстрелом хрупкое тело девушки изогнулось назад, и молодая женщина немного коряво, словно брошенная неловкой детской рукой кукла, слетела с крыльца. Она рухнула лицом вниз, на асфальтовую дорожку, оставив подогнутые чуть вывернутые ноги на газоне. Спину девушки разворотило картечью.

На крыльце, щурясь от утреннего солнца, появился плотный мужчина. Он мельком взглянул на распластавшуюся перед ним девушку, отбросил в сторону дробовик и посмотрел на массивные наручные часы. 9:30. По его расчетам все клерки уже допили кофе и принялись стучать по клавишам, пригвозждая горожан и местный бизнес к очередным штрафам, предписаниям, ограничениям. Мужчин зло обильно сплюнул и развернулся к козырьку над крыльцом. Он позволил себе покаяничать перед камерой.

– Виталий Дмитриевич. Черкашин, – мужчина демонстративно поклонился. – Директор ООО «Алгоритм», Заместитель директора в ЗАО «Артём», а также ИП Черкашин. С любовью и нежностью.

Виталий Дмитриевич вынул пистолет из кобуры на правом бедре и не целясь разворотил камеру видеонаблюдения первым же выстрелом. Черкашин быстрыми движениями поправил бронежилет, все повязки, заклёпки и ремешки, – всё, на чем держалось разнообразное оружие. Удовлетворившись результатом, он поднял валяющуюся около крыльца охотничью сумку. Здесь оставались его любимицы – короткоствольный автомат и полуавтоматическое ружье Beretta. Закинув сумку на плечо и вооружившись автоматом, он по-мальчишески бодро спрыгнул с крыльца, разом минуя три ступеньки.

Уверенным бодрым шагом он пересёк ухоженный газон и кусок асфальтовой дороги. Теперь он уже не оглядывался и не тратил время. Опять участок газона и новое крыльцо. Там уже испуганно оглядывались и толпились несколько чиновников. Автоматная очередь перемолола любопытных.

Всё закрутилось быстрее. К месту преступления спешила вооружённая охрана, стягивалась полиция. Черкашин нырнул в трёхэтажное здание. Он походя лишил жизни беззащитного вахтёра, зачистил первый этаж. Все хрупкие ненадёжные двери с треском распахивались от удара тяжелого ботинка, забившиеся под столы клерки поднимали бессмысленный вой... Сосредоточенный Черкашин не щадил никого, хотя и не тратил время на поиски каждого. Наверняка кому-то удавалось спрятаться лучше других.

Виталий Дмитриевич пробежал пролёт второго этажа. Внизу истошно выли серены. Время поджимало. На третьем этаже снова без сопротивления. Он выстрелил в спину убегавшей в туалет секретарше, но даже не посмотрел на результат. Именно в открытой двери освободившегося кабинета ждала его последняя остановка. На пороге Черкашин замедлился. Перед ним одиноко возвышался массивный стол, опустевшее рабочее место секретаря перед которым разбивают лбы посетители всех рангов. Слева хлипкая межкомнатная дверь и ненавидимый Черкашин чиновник.

Черкашин обхватил вспотевшей ладонью рукоять пистолета. Он не был спортсменом и редко ходил в тир. Стоило опасаться загнанного в своем кабинете человека, но он пришёл именно за ним. Это его ягодка на именинном торте.

Плотно сбитый Виталий Дмитриевич, вложившись в удар, выбил дверь, и влетал в кабинет левым плечом вперед, его пистолет в правой руке, и он прижимал оружие к животу, согнув локоть. Спортивного вида чиновник притаился как раз справа, он чуть поторопившись бросился на террориста и выдал себя. Заработал пистолет. Два выстрела в плечо, один в ногу.

Переполненный ненавистью Черкашин задыхаясь выхаркивал проклятия в лицо корчившемуся от боли беззащитному функционеру. Опять дробь, теперь уже Беретта.

Черкашин обмяк, он приставил ружьё к стене и, пожалуй, впервые за это утро внимательно посмотрел на последнюю жертву. Он был доволен результатом. Выполнивший свой план Виталий Дмитриевич грузно осел на офисном кресле важного чиновника, закинул ноги на письменный стол, достал сигарету и жадно закурил. Он о чем-то задумался с блаженной улыбкой, не замечая, как пепел кружится и летит на пол.

Под окнами надрывались сирены, кто-то орал в мегафон. Даже на третьем этаже ощущалась бившая половину Нижегородского Кремля истерика. По территории рассредоточивался спецназ. В их рядах мелькали помощники из полицейских и штатные охранники. Наконец, Черкашин позвонил, давая отмашку для отката петли.

Виталий Дмитриевич у стен Нижегородского Кремля. На часах снова полдевятого утра. Шестидесяти минут, целого часа кровавой расправы в нижегородской администрации, уже не существует. Черкашин – Клиент, рядом с ним переминается с ноги на ногу Оператор. Черкашин удовлетворенно хмыкнул и привычно засветил Оператору своей увесистой лапой по плечу. Это в его понимании высший знак одобрения. Оператор в очередной раз сморщился от боли и кое-как сохранил равновесие. Система сработала без сбоев, они вернулись в точку отсчета.

– Знаешь, что я придумал, Кирюха? – Черкашин опять пыхтел сигаретой. – Нечего бегать по Управе и выискивать их по одному. В следующий раз соберу на корпоратив всех вместе. Они ж как мухи на мёд, только помани халявой и сразу сбегутся. Куда-нибудь в лес заманить... Там всех и порешим.

– Порешите, – поправил Оператор. – Я только наблюдаю.

– Ну да, ну да, – Клиент довольно крикнул и охотно согласился с доводом. – А ещё лучше знаешь... медведя на них натравить. Закрывать всех в сарае и голодного мишку на них. Как думаешь?

– Жестко, Виталий Дмитриевич, – Кириллу остается надеяться, что кому-то другому из Операторов придётся быть свидетелем большой фантазии этого человека. – Но технически нет разницы. Мы откатываем вас и не важно кто и как умирает.

– Вот и здорово. Я подумаю.

Черкашин передал Оператору ставший традицией бумажный конверт. Там особая премия и благодарность. Успешные государственные подрядчики зарабатывают большие деньги, хотя и ненавидят своих властных патронов. Пакет Оператор взял не раздумывая, после трёх лет в профессии у него похоже атрофировалась безразличность. Он пожал руку Клиенту и вызвал такси. Пора в аэропорт. Клиенты по всей стране с нетерпением ждут Операторов для воплощения своих, как правило омерзительных, замыслов.

Сам Виталий Дмитриевич сейчас направится в нижегородский Кремль. Он будет обходить чиновников, дарить подарки и договариваться о новых подрядах. Сегодня у него очень хорошее настроение и опостылевшие морды бюрократии вызывают у подрядчика улыбку. Он обязательно придумает что-то новое к следующей оплаченной петле времени. Он даже не представляет до чего сможет дойти. Абсолютно всех Клиентов развращает безнаказанность.

Глава 1

Накануне. Четверг. Екатеринбург.

Конечно, Кирилл не рассказывал Веронике (или Валерии?) про нижегородского подрядчика. Он планировал её соблазнить, а не испугать до чёртиков. Девушка и так оказалась излишне сомневающейся. Хорошо, что начал действовать алкоголь, Вероника (или Валерия? Кирилл никак не мог вспомнить её имя) расслабилась, смирилась с недюжинной фантазией молодого спутника, подсевшего за столик полтора часа назад, и увлеченно подыгрывала. В этом нет ничего нового, все реагируют примерно одинаково.

– Можно ведь и банк ограбить? – девушка пыталась придумать что-нибудь новенькое.

– Нет, при откате системы нельзя оставить ничего материального, только твои воспоминания.

– И оператора.

– Да, – Кирилл охотно поддакивал, в конце концов они должны говорить о нём.

– Тааак... – Вероника (или Валерия?) надолго задумалась, Кирилл воспользовался заминкой и жестом попросил официанта повторить напитки. – Тогда можно изменить мужу. Никто же не узнает.

– Ты замужем?

– Нет, – девушка продемонстрировала свободный от кольца безымянный палец. – Хотя оператор ведь всё запомнит. Некрасивая сцена получится.

– Оператор всего лишь функция. Считай он обезличен. Как робот.

На самом деле, как бы не так. Первый год работы Кирилла натурально трясло от ужаса и отвращения. Он пожимал руку закончившим игру Клиентам, пересиливая удивление, презрение и ненависть. Очень сложно смириться с увиденным несколько часов назад и лицезреть довольные лица богатых извращенцев. До сих пор, Кирилл тяжело переносил сцены жестоких изнасилований, которые встречались всё чаще. У Оператора появлялись мысли о вариантах выхода из этой опасной игры. Смущало грозившее безденежье, а к высоким заработкам молодой человек быстро привык. А ещё Кирилл боялся собственного руководства. Руководства, которое он ни разу в жизни не видел лично.

Кирилла завербовали три года назад. Со смешком и показным недоверием он явился на презентацию. Точно уже не вспомнить, но скорее всего ему потребовалось не меньше недели для осознания новой реальности. Ему предложили создавать и замыкать петли времени. А ещё ему предложили за это огромные, фантастические деньги. Он был честно предупрежден о постоянных перелётах, ненормированном рабочем дне и прочих бытовых неудобствах, но, черт побери, разве он мог отказаться от такого предложения?

Достаточно быстро выяснилось, что работа не подразумевала никакого контакта с коллективом. Оператор получал предписания, назначения и задания под своей учётной записью в специально разработанном личном кабинете в глубинах даркнета. Работодатель и неведомые вышестоящие органы в его лице лаконично именовали себя Фирмой. Он ничего не знал о структуре компании, её подразделениях, масштабе и географии работы. Однако его счета, открытые в банках разных юрисдикций, исправно пополнялись. А к особенностям работы он быстро не то чтобы привык, но свыкся. Своей семьёй молодой человек ещё не обзавелся, а мама считала, что её сын коммивояжёр (похоже ей очень нравилось само слово) и не задавала лишних вопросов.

– Ты правда считаешь, что это аргумент для девушки за которой будут подглядывать? – Вероника (пусть будет Вероникой решил Кирилл) в шутку похлопала Оператора по руке.

Тактильный контакт очень важен: алкоголь и обаяние, о котором питал искренние иллюзии молодой человек, начинали брать своё.

– Тогда проще изменить мужу сразу с оператором, – Кирилл пошёл ва-банк и замер в ожидании реакции.

– И какая экономия денег! – девушка рассмеялась, и молодой человек облегченно выдохнул: всё шло по плану.

– Это точно, – добавил он в тон Вероники.

– А какой самый необычный сеанс ты проводил?

– Смотря что считать необычным, – Кирилл немного подумал. – Есть у меня один клиент, в Питере. Он заказывает сразу сутки. Двадцать четыре часа. Это очень дорого. И так, представь: начинаем с утра пораньше. Он посылает по всем в стране известному адресу жену и тещу. Тёще, кстати достается целая гневная отповедь. Короче, клиент всех посылает, закрывается дома с пищей и ведрами мороженого, отключает телефон и до ночи смотрит фильмы, – Кирилл победно посмотрел на девушку и пояснил, – график у человека напряженный. Домашние раздражают, а в реальности сделать ничего не может. Вот и нашёл способ отдыхать, чтобы голова окончательно не закипела.

– Странно, – Вероника легкомысленно хихикает уже не переставая. – Развелся бы с женой и все дела.

– У богатых свои причуды. Ему проще заплатить и перезагрузиться таким образом.

– Интересная у тебя работа.

Вероника пересела поближе. Глаза девушки уже блестели, выдавая алкогольное опьянение. Осталось чуток дожать и вечер можно будет считать удавшимся. Сам Кирилл старался уже не пить, долгая дорога до Екатеринбурга, хронический недосып и предстоящая бурная ночь оставляли всё меньше шансов на чистую голову в завтрашнем рабочем дне.

Кирилл огляделся. Скучающий бармен зачем-то листал меню, пара официантов увлеченно шушукалась около монитора с интерфейсом приема заказов. Через стол от Кирилла и Вероники выпивали трое мужчин, а чуть поодаль справа, уткнувшись в смартфон, ужинала одинокая женщина. По почти пустому залу, сменив трансляцию хоккейного матча (которым никто из присутствующих не заинтересовался), разливалась лёгкая музыка неопределенного жанра. Кирилл принял решение взять с собой бутылку вина и уходить. Вероника чуть поджала губы, слегка покраснела, но согласилась покинуть ресторан.

– А ничего что ты мне это рассказываешь? – девушка вдруг стала серьезной.

– Тебе же всё равно никто не поверит.

Кирилл отмахнулся от вопроса совершенно искренне. Какой-то незнакомец рассказал о возможности зафиксировать тебя в конкретной точке пространства и времени, а затем вернуть после строго оговоренного срока в те же условия чтобы не произошло за отведенное время? «Пфф» – ответит любой здравомыслящий человек. Кирилл и сам так ответил, когда впервые услышал...

Глава 2

День первый. Пятница. Екатеринбург.

Вероника ушла через пару часов после полуночи. Кирилл не следил за временем, сразу завалился спать. Утром сказывался нарушенный постоянными перелётами график сна и выпитый вечером алкоголь – голова немного шумела, желудок напоминал о своем существовании противной сосущей болью. Хорошо, что не забыл выпить болеутоляющее перед тем как уснуть. По опыту Оператор знал – спать с головной болью, значит не выспаться совсем.

В очередной раз порадовавшись собственной находчивости в борьбе с похмельем, он простоял десять минут под контрастным душем, побрился и был почти готов к любой нагрузке. Оставалось плотно позавтракать.

Ресторан гостиницы огорчил скудным выбором блюд, но горячая яичница и свежий хлеб оказались вполне сносными. Больше всего порадовали две вещи: настоящий свежесжатый сок и отсутствие Вероники. Девушка видимо ещё отсыпалась. Или уже позавтракала. Она, как и Кирилл, была командировочная. Её забирали в банк, название которого он не запомнил. Самого Оператора Клиент ждал у входа в отель ровно в девять.

Не спрашивая разрешения немногочисленного персонала, Кирилл самостоятельно налил три порции эспрессо в граненый стакан для сока и отправился обратно в номер. Перед работой добросовестный Оператор всегда тратил время на изучение Клиента и его досье, составленного неизвестными аналитиками Фирмы. Накануне после прилёта он получил у курьера расходники и терминал, документы же присылали по электронной почте.

– Итак, здравствуйте, Вадим Аронович.

Кирилл загрузил досье очередного Клиента. Что ж, в меру опытный человек. Вадим Аронович шёл на свой четвертый сеанс, хотя в этот раз ему предоставили нового Оператора. Это могло стать проблемой. Сеансы с одним Оператором важны в таком деликатном деле как услуга петли времени. Клиент привыкает к Оператору, расслабляется. К сожалению, привычный Вадиму Ароновичу Оператор прилететь, видимо, не смог. Вместо него в срочном порядке отправили Кирилла. Вряд ли Клиент откажется от сеанса – внушительный аванс платится вперед, а смена Оператора не считается основанием для отмены сделки по вине исполнителя. Как-то так Кирилл в соответствии с одной из инструкций должен был аргументировать своё появление перед Клиентом.

Оператор привычно пролистывал досье Клиента одним пальцем прокручивая файл. Аналитики составляли личные карточки по установленному образцу. Общие данные сменялись бизнес-справкой, в конце файла шли подробные протоколы предыдущих сеансов с комментариями Оператора. Кирилл понимал, что Фирме важно отслеживать динамику в воплощаемых фантазиях Клиентов. Безнаказанность порождала всё новые витки жестокости, садизма и риска. Действия заигравшегося Клиента могли привести к непоправимому – смерти самого Клиента.

Однако Вадим Аронович был последователен. Никаких излишних эмоций. Он словно таил в себе только одну фантазию и реализовывал её с фанатичным упорством, не отклоняясь от привычного сценария из сеанса в сеанс. Вадим Аронович Шац был из тех людей, кто не любил экспериментировать. Похоже у него имелись личные счета с большой шишкой из Москвы, и сеансы подгадывались к каждому приезду столичного гостя. Кирилл хмыкнул: работа представлялась несложной.

Сам Вадим Аронович был достаточно зауряден в сравнении с многими обычными Клиентами не только в фантазиях, но и в бизнесе. Относительно небольшое предприятие по переработке цветных металлов, несколько магазинов на первых этажах в Екатеринбурге и Пышме, транспортная компания и оставшаяся с девяностых полуживая радиостанция. Он был богаче большинства россиян, но не дотягивал до настоящих олигархов. Насколько рядовой Оператор мог оценивать расценки на каждый сеанс, Шац должен был выплачивать Фирме большую часть своих доходов. Но чёрт их знает бизнесменов, Кирилл никогда не мнил себя аудитором, чтобы оценивать бизнес и доходы Клиентов.

Бегло пролистав досье, Кирилл убедился, что невидимые аналитики Фирмы не посчитали нужным добавить к досье ничегостораживающего. Скорее всего, Оператора с Клиентом опять ждал допрос с пытками и медленная расправа над московским гостем. Пытки? Это неприятно. Кирилл напомнил себе, что его дело десятое, Оператор только наблюдает. По сути происходящее в петле времени не становится реальностью. Они играли в игру, всё понарошку. Главное уберечь жизнь Клиента и откатить систему в точку отсчёта. Тогда в реальности не останется никаких последствий.

Ещё раз пролистнув досье, Кирилл зафиксировал в памяти обычную жертву Клиента. Севастьянов Михаил Антонович. Кстати, Севастьянов перемещается с охраной. Оператор пообещал себе учесть этот факт при выборе точки для наблюдения.

Шац встретил Оператора на своем внедорожнике. Вадим Аронович сам водил машину и сейчас, сухо поздоровавшись и представившись, уверенно вклинился в утренний поток спешащих на работу горожан. Шац судя по всему никогда не блистал разговорчивостью, нечего

было ожидать изменения его привычек с незнакомым человеком. Кирилл смиренно устался в окно и с интересом разглядывал центр летнего Екатеринбурга.

За три последних года он увидел больше российских городов, чем многие смогут посетить за всю жизнь. Как правило, работа не закидывала Операторов в захолустья. Как не крути, а основной капитал и его хозяева осели в Москве и крупных городах. Но и поглядеть на города-миллионники тоже интересно и познавательно. Например, Екатеринбург высоко котировался в личном рейтинге российской провинции двадцатисемилетнего Кирилла.

– Да, алло.

Ленивые размышления Оператора прервал входящий звонок на телефон Вадима Ароновича. Связь выводилась на встроенную в машине систему громкой связи и теперь водитель неловко пытался её перевести в приватный режим.

– Подожди, я переключу вызов на трубку...

– Зая, мне нужно знать, что ответить дизайнеру...

– Подожди, я выключу громкую связь...

– Алло, зая, тебя плохо слышно...

Кирилл деликатно устался в боковое стекло и улыбнулся. Пока водитель пытался выключить громкую связь динамики машины трижды обращались к нему милым женским голосом и прозвищем «зая». Звонила его нынешняя жена, вторая по счету. С новой супругой Вадим Аронович нажил дочь. Девочке уже исполнилось семь лет, в этом году ей предстоит знакомство со школой. В Москве живет и учится старший сын Шаца. Все данные о семье Клиента были в высланном досье.

– Вы завтракали?

Вадим Аронович закончил разговор с женой и видимо, желая сгладить неловкую ситуацию, изменил своему правилу и заговорил с Оператором, хоть и на отвлеченную от предстоящего сеанса тему.

– Спасибо. Более-менее.

– Сейчас заедем в одно неплохое место. Там можно будет перекусить и я приму препарат. Сам... – Шац запнулся, – сам сеанс вечером. Но много неожиданных изменений и мне нужно взвесить все за и против.

– Хорошо.

Оператор легко согласился, но про себя отметил, что изменения должны быть исключительными. Услуги Фирмы оплачиваются почасовым тарифом, и редко кто из клиентов берет сверх необходимого. Что-то не так с Севастьяновым и его охраной? Или Шац решил удивить и сегодня у него заготовлен новый сценарий? Жаль, что с этим человеком нельзя поговорить по душам. Тишина в машине тяготила Оператора. Во-первых, Кирилл не любил молчать, а во-вторых, Оператору необходимо понимать задумку Клиента, чтобы в случае необходимости успеть нажать заветную кнопку и вернуться в исходную точку.

Уютный восточный рестораник удивил обширным утренним меню. Посетитель мог сделать выбор в пользу континентального завтрака или, отбросив новомодный ЗОЖ, сразу наброситься на жирный плов. Неожиданно спокойные тона мебели и приглушенный свет располагали к долгой трапезе и неспешным разговорам.

Вадим Аронович заказал кофе и фаршированные лепёшки с разными начинками. Кирилл выбрал шурпу из баранины и, несмотря на раннее время, с удовольствием отхлебывал горячий густой бульон. Шац повертел в руках трезвонивший телефон и сбросив звонок обратился к орудовавшему ложкой Оператору.

– Я должен предупредить вас о своих задумках?

– Хотя бы в общих чертах, – подтвердил Оператор, вытирая салфеткой жирные от бульона губы. – Прежде всего мне важны потенциальные угрозы для вашей жизни.

– Разве что тромбы, – отделался шуткой Вадим Аронович и надолго замолчал.

Кирилл посмотрел на Клиента. Прямой как палка, подобранный, словно готовая в любой момент распрямиться пружина, крепкий мужчина средних лет (Оператор знал, что Шацу сорок четыре года, но не был уверен соответствует ли этот возраст категории «средних лет»). Правильное волевое лицо Вадима Ароновича было плотно обтянуто кожей, он в принципе был худым и поджарым. Шац будто выверял каждое своё движение, экономил каждую эмоцию и представить этого человека душой компании у Кирилла никак не получалось.

– Скорее всего, – наконец вымолвил Клиент. – сами события произойдут вечером. При этом я допускаю смещение графика в любую сторону. Это зависит не от меня. Я сброшу вам смс. И мне жаль, но вам придётся добираться до места встречи самостоятельно. Надеюсь это не проблема.

Кирилл пожал плечами. На его оклад он мог арендовать лимузин, конечно, такси не было проблемой. Скорее для самого Клиента раннее начало сессии могло стать проблемой. Оплата выставлялась за каждый час в петле, но не дело Оператора считать чужие деньги. Сам Кирилл доберется до ближайшего торгового комплекса, привычно купит билеты в кино и просидит на сеансах до назначенного времени.

Оператор открыл терминал, достал футляр с двумя капсулами, одну проглотил сам, а вторую протянул Шацу.

– Вам нужно сделать таблетки синими или красными. И предлагать выбор, – неожиданно пошутил Вадим Аронович, запивая капсулу.

Кирилл запустил сессию. В Екатеринбурге было ровно 10:30 утра.

Проводив взглядом рассчитавшегося по общему счету Шаца, Кирилл остался в кафе. Он заказал прохладный морс, без особой цели поразглядывал меню. Ему не хотелось выходить на улицу, там становилось жарко. Оператор открыл прогноз погоды. Программа не обещала изменений до понедельника. Три дня подряд по двадцать девять градусов, без единого облачка. В понедельник начинались дожди, столбики сохранившихся термометров опускались до плюс пятнадцати. Кирилл уже слышал о резких изменениях погоды на Урале. Однако он сам уже в субботу вернется в Москву. А к понедельнику окажется в новой точке большой страны.

Официант принес морс. Полноватый мужчина средних лет восточной внешности. На лице искреннее дружелюбие. Официант с уважением покосился на открытый терминал. Кирилл улыбнулся. Стилизованный под ноутбук терминал выводил на экран графики и диаграммы жизнедеятельности Клиента. Без должной сноровки и знаний в истинных значениях показателей на экране разобраться невозможно. Скорее всего, официант воспринял информацию на экране как биржевые котировки или нечто похожее.

Пальцы Кирилла пробежались по клавиатуре – он забыл ввести блокирующий терминал код. Каждый Оператор имел индивидуальный пароль. Этого требовала безопасность. Пароль вводился в начале сессии и повторно перед замыканием петли. В промежутке действия блокировки терминал становился бесполезным железом, а при попытке вскрытия – самовозгорался. Или взрывался. Тут Кирилл точно не помнил. В любом случае, попади терминал в чужие руки, никто не сможет ни убедиться в его работоспособности, ни разобрать на запчасти. В системе безопасности был только один изъян – Кирилл сомневался, что будет терпеть пытки и не сдаст пароль при необходимости.

Заблокировав терминал, Оператор убрал его в рюкзак. Вместо терминала на столе появился настоящий ноутбук. Кирилл вошёл в даркнет и погрузился в чтение форумов.

Последнее время он тратил на это занятие все свободное время. Даркнет хранил необъятное количество информации и обсуждение «делишек» Фирмы занимало немалую часть информационного пространства.

Кирилл начинал с прикладной информации. Ему было важно правильно настроить перемещение собственных денежных средств на разных счетах в России и за рубежом. Ссылка за ссылкой и Оператор вышел на другие ресурсы с информацией. Где-то обсуждали самые чудовищные причуды Клиентов, кто-то коллекционировал самых милых и безобидных. Но особый интерес и Кирилла вызывали форумы с обсуждением масштабов и истинной силы Фирмы. Доходило до того, что работодателей Кирилла объявляли реальным теневым правительством всей планеты.

Глава 3

День первый. Пятница. Екатеринбург.

Несмотря на бесхитростное название, «Баньки у Иваныча» оказались большим, ухоженным комплексом. Сами бани, в количестве семнадцати штук, разместились в сосновом лесу. Между домиками бань талантливый ландшафтный дизайнер втиснул открытое кафе, прудик и многочисленные пешеходные дорожки, выводящие к небольшим беседкам с мангалами. Судя по припаркованным автомобилям, «Баньки у Иваныча» пользовались большим спросом у состоятельной публики.

Кирилла по-королевски и в гордом одиночестве разместили в домике под номером три. Вадим Аронович встречал гостей в баньке с порядковым номером пятнадцать. Несмотря на разницу в номерах, эти домики находились практически друг напротив друга и располагались на самом краю огороженной территории. До появления Шаца Оператор успел разместить прослушивающую аппаратуру в комнате отдыха пятнадцатой бани, а потом посидел на лавочке перед своим домиком, вдоволь надышался теплым хвойным воздухом и мысленно уважительно пожал руку неизвестному предпринимателю, организовавшему этот уютный комплекс. Некий Иваныч подошел к делу с душой, которая чувствовалась в каждой детали, будь то разбросанные под деревьями садовые гномики или милая резьба на деревянных лавочках.

Ближе к сумеркам пришлось приниматься за работу. Разумеется, Кирилл не заходил в парилку и даже не раздевался. Предложение обслуживающего персонала о доставке в баню напитков и еды было вежливо отклонено. Кирилл попросил его не беспокоить, дополнительно акцентировав на этом внимание администратора пятисотрублевой купюрой. Разложив аппаратуру, Оператор включил монитор терминала, ввёл код безопасности, разблокировав терминал, и из-за приоткрытой занавески наблюдал за прибытием веселой компании, за которой следовал хмурый Вадим Аронович.

Четыре мужчины, включая Шаца, пропустили вперед себя трёх крепких молодых людей, тащивших пакеты с алкоголем и различной снедью. Носильщики оставили свой груз и, бегло осмотрев баню, пожелали хорошего отдыха. Компания мужчин, подбадривавших друг друга сальными шутками, скрылась за дверями бани. Кирилл убедился, что троица крепких молодых людей направилась в здание крытого кафе у входа в банный комплекс, и сосредоточился на экране.

Судя по разобраным пакетам, гости собирались отдыхать шумно и со вкусом. Арендованная на шесть часов баня освобождалась далеко за полночь, к тому времени московские гости должны были быть в полнейшей некондиции. Хотя компания подобралась суровая. Щеголяющие в одних полотенцах мужчины производили впечатление крепких и выносливых. Даже явно старший здесь по возрасту Севастьянов, мужик исполинских габаритов, несмотря на некоторую обрюзглость, излучал богатырское здоровье и молодецкую удачу. Да, такие переппют любого.

– Ну как вам, дорогие гости? – пробасил ещё трезвый Севастьянов. – Шац даром, что еврей, знает толк в правильном отдыхе.

– Женщины будут? – отозвался кто-то из парилки.

– Конечно, – Шац разливал напитки по стаканам и раскладывал нарезку.

– Только давай без марамоек, Вадик, – прокомментировал тот же голос. – Не порть отдых.

– Только лучшие женщины города-героя Свердловска, – поддержал младшего товарища Севастьянов. – Мы за ценой не постоим!

– А что, Свердловск город-герой? – спросил мужчина, до сих пор не отрывающийся от планшета.

– А вот увидишь наших баб и сам решишь, – расхохотался собственной грубой шутке Севастьянов.

– Ты, дядя Миша, интригуешь. Давай часа через три вызывай, а пока потолкуем по-мужски.

Мужчина отложил планшет и направился в душевую. По скромному предположению притаившегося в соседнем домике Оператора, в этот раз московские гости приезда раскрепощенных женщин не дождутся. Не допустит Вадим Аронович лишних жертв, не его, если это уместно сказать в сложившихся обстоятельствах, стиль.

Прошедшие с начала вечеринки два часа не подарили никаких запоминающихся событий. Миниатюрная колонка чистым звуком передавала Оператору все разговоры. Беседа в бане не отличалась от любой другой. Мужчины травили байки, периодически вставляя в разговор рассуждения о расстановке сил на политических олимпиах разных уровней. Сегодняшнее собрание не подразумевало никаких переговоров, они пришли отдохнуть и расслабиться в неформальной атмосфере. В том формате, который был недоступен в обычной жизни большинству присутствующих из-за высокой занятости.

Кирилл поглядывал на дорожку, ведущую к домикам. Извилистая, укрепленная по бокам белоснежными камешками, тропка раздваивалась непосредственно перед баньками под номерами три и пятнадцать. Оператор посмотрел на развилку и усмехнулся, вспомнив о прочитанной сегодня утром на форуме теории бифуркации. Когда много думаешь о вариантах развития событий, начинаешь искать точки отсчета в любых бытовых вещах.

Большей частью Оператор следил за дорогой из-за опасения увидеть приближающуюся охрану, но за два часа гостей соседнего домика никто так и не побеспокоил. Важные люди отдыхали в проверенном кругу друзей и холуям были не рады. Тем не менее, Кирилл не сомневался, что охрана находится неподалеку и при необходимости прибудет на место в считанные секунды. Вадим Аронович по-прежнему медлил, а Оператор поглядывал на монитор одним глазом. Слушать бесконечные разговоры с вкраплением мата, усиливающимся по мере поступления в организм алкоголя, было скучно.

В скором времени Кирилл планировал отправиться в заслуженный отпуск и перебирал возможные варианты направлений. Благодаря своей работе он не нуждался в деньгах и мог себе позволить любой сервис и географию. Оператор много ездил по России и отпуск хотелось провести на зарубежных курортах.

Несколько практически слившихся в единый треск хлопков вывели Оператора из состояния благодушных размышлений. Кирилл даже не сообразил, как услышал эти хлопки – через аппаратуру или окно. Вадим Аронович работал пистолетом с глушителем, но этот, как сейчас модно говорить, девайс не делал оружие полностью бесшумным. За три года работы Кирилл научился разбираться в оружии. Оператор лихорадочно считывал обстановку в бане, не забывая поглядывать в сторону дорожки: появление вооруженной охраны потребовало бы немедленной реакции и прекращения сеанса.

Никто из телохранителей московских гостей не появился. Вадим Аронович сменил обойму и обходил залитую кровью баню, завершая начатое контрольными выстрелами. Кроме

него, в домике номер пятнадцать ещё дышал только истинный антигерой сегодняшнего вечера – Севастьянов. Огромная туша Михаила Антоновича свернулась в большой комок и скулила. Похоже Шац прострелил старому товарищу обе колени.

– Рассказывай.

Шац положил пистолет на стол и держал в руке армейский нож. Кирилл пропустил начало разговора и теперь наклонился к колонке (в чем не было никакого смысла), чтобы не пропустить ни одного слова и разобраться в странном поведении Клиента.

– Ты с ума сошел, Вадик! Ты чего творишь?

– Рассказывай. Не надо юлить.

– Да ты понимаешь, кого ты завалил, идиот?

Севастьянов смог взять себя в руки и сел на полу, поджимая ноги и опершись на стену.

– Чтобы ты не задумал, мы уже трупы. Даже мне не отмазаться.

– Наплевать, – тем же усталым грустным тоном оборвал истерику Вадим Аронович.

– Наплевать ему! – Севастьянов вскинул руку в знак негодования. – Что ты тут расселся со своим ножичком? Ты забыл кто я?

Вадим Аронович молниеносно наклонился к сидящему на полу Севастьянову и резкими быстрыми движениями нанес несколько резанных ран Михаилу Антоновичу. Севастьянов взвыл от боли.

– Сука! – орал Севастьянов. – Да как же так-то? Что на тебя, сволочь, нашло!?

– Расскажи про Машу.

– Какая ещё Маша, урод?

– Сестра, – Вадим Аронович сунул в лицо Севастьянову фотографию старшеклассницы. – Моя сестра.

Михаил Антонович много матерился. Он переходил с крика на мольбы, пытался увещевать и обещал простить. Вадим Аронович ловко и болезненно орудовал ножом. Севастьянов снова орал и матерился. Он клялся, что не помнит никакой Маши, потом вспоминал о десятках своих жертв.

– Ты знаешь сколько было этих прощандовок? Их хватало на улицах и тащили ко мне. Отовсюду! Из кафе и кинотеатров, с дискотек и свиданий. Все хотели уважить дядю Мишу!

– Дядя Миша, – презрительно пробормотал Шац. – Ты ответишь за всех. Ты ведь понимаешь, что не уйдешь отсюда?

– Да куда уж мне, – зло выкрикнул Севастьянов и выразительно посмотрел на простреленные ноги. – Резать меня прекрати, трусливый ты жидёнок.

– Прекращу. Признайся, – Вадим Аронович воткнул нож в громадную ляжку своей жертвы.

– Хорошо! – заорал от новой порции боли раненый. – Хорошо, сволочь ты поганая. Была она, да! Я об этом позже узнал, когда тебя уже к себе взял. Рассказали мне хорошие люди, но что это меняло? Ну трахнул я её и что?! Подробностей хочешь? Как она кусалась хочешь знать?

Глаза Севастьянова налились кровью, изо рта при каждом выкрикнутом слове фонтаном брызгала слюна. Казалось в порыве гнева он может встать несмотря на все ранения и проломить голову своего мучителя.

– А потом убил? – без эмоций спросил Шац.

– Конечно, нет! Зачем? Я их всех отдавал. Я всегда делился.

– Тварь, – со всхлипом выдавил Вадим Аронович и с усилием повернул рукоять ножа, разрывая плоть. Севастьянов опять заорал благим матом. – А кто убил? – тихо спросил Шац.

– Я мальчишкам её отдал. Дружка твоего бригаде. Они её и притащили!

– Имена вспомнишь? – Шац говорил всё тише.

– Да откуда? У дружка своего спроси!

– Спрошу, – почти беззвучно прошептал Вадим Аронович.

Шац стиснул зубы и вонзил армейский нож в висок Севастьянова. Могучее тело Михаила Антоновича даже не дернулось, только тяжёлая голова гулко стукнулась об обшитую деревянной вагонкой стенку.

В бане номер пятнадцать воцарилась тишина. Кириллу показалось, что он слышит собственное сердце. Пожалуй, впервые за три года он хотел посмотреть на убитого Клиентом человека. Состояние Шаца Оператор даже не пытался представить. Безобразное, отвратительное откровение Севастьянова останется навсегда. Скоро Оператор отмотает сегодняшний день на десять тридцать утра, «дядя Миша» Севастьянов будет сытно и счастливо жить, а Вадим Аронович никогда не забудет случившегося.

Через некоторое время Шац появился в единственном окне, прорубленном в прихожей. Он подал условный знак, перекрещивая руки, и Кирилл облегченно вздохнув приготовился совершить последнюю манипуляцию психологически тяжелого сеанса. Нажимая кнопку, он представил себя в утреннем восточном кафе и пообещал сам себе постараться забыть страшную историю Севастьянова.

Кнопка поддавалась пальцу и ушла в основание корпуса. Кирилл моргнул и, забывая слотнуть мгновенно скопившуюся во рту слюну, осознал: он по-прежнему находился на окраине вечернего Екатеринбурга, а в соседнем домике оставался Клиент в окружении трёх трупов.

Глава 4

День первый. Пятница. Екатеринбург.

Случайному свидетелю, оказавшемуся на дорожке, ведущей к домикам под номерами три и пятнадцать, могло показаться забавным, что полуголый мужчина, обернутый одним полотенцем, забыв про тапочки, выбежал из одной бани и, не оглядываясь по сторонам, припустил к домику напротив. Этот же мужчина вскоре вернулся, проделал обратный путь и через некоторое время появился на дорожке вновь. На этот раз полуголый мужчина внимательно посмотрел в разные стороны, он даже задрал голову вверх и замер на несколько секунд словно выискивая что-то в сгущающихся сумерках. Не обнаружив ни радуги, ни дронов, ни волшебных фей, он во второй раз бросился к домику с литерой три.

На этот раз мужчина пробыл в домике подольше. Сторонний наблюдатель мог бы уже и забыть о странном поведении обернутого в полотенце мужчины, но тот снова появился на крыльце. Мужчина ещё раз неспешно осмотрелся и подав кому-то знак рукой, направился к своему домику под номером пятнадцать. За мужчиной вышел молодой человек. Тот выглядел взъерошенным и растерянным. В отличие от своего спутника парень был полностью одет и нес в руке спортивный рюкзак.

Кирилл по-прежнему ощущал на шее железные пальцы Шаца. Оператор понуро плёлся за своим Клиентом на место преступления. Место и само преступление должны были исчезнуть, но Оператор шёл именно туда. Кириллу стало дурно.

На ватных ногах он миновал узкую прихожую и практически ввалился в комнату отдыха. По телу стремительно, в разных направлениях одновременно, растекалась противная слабость, колени предательски подгибались. В комнате мелькнули растянувшиеся в нелепых позах, казавшиеся бесконечно большими в этом помещении с низким потолком, тела. Кирилл на мгновение зажмурился. Он непроизвольно втянул носом воздух. Никакого запаха смерти, никакого давящего ужаса, ничего такого. Только мерный скучный голос бесстрастного репортёра из включённого телевизора. Кирилл заставил себя открыть глаза.

Шац уже прошёл в другой конец комнаты. Он удалился на добрый десяток шагов и замер рядом с осевшим на пол Севастьяновым. Окровавленный «дядя Миша» словно вышел из парилки и присел отдохнуть, опёршись спиной на прохладную стенку. Всю могучую грудь Севастьянова заливала кровь, из правого виска торчала рукоятка ножа. Вдоль правой стены, ровно между полупрозрачными дверями в душ и парилку лежали два тела с пулевыми отверстиями в голове. Этим мужчин убили первыми. Без эмоций, быстро и эффективно. Севастьянову досталось больше.

Вадим Аронович с противным хрустом вытащил нож из виска Севастьянова. Крупная голова подалась за рукой своего палача, а затем откинулась обратно и завалилась подбородком на грудь. Шац направил окровавленный клинок в сторону Кирилла и показал на перевернутую скамейку.

– Пробуй ещё.

Ослабевшими руками Кирилл поставил на место тяжёлую скамью и расстегнул молнию рюкзака – терминал как ни в чем не бывало поблескивал стальным корпусом. Разместив устройство на столе, Оператор приступил к уже кажущемуся идиотским действием – непрерывному нажатию на клавишу. Экран терминала работал. На Кирилла смотрели данные сессии, показатели Клиента. Графики ползли, диаграммы мигали и меняли пропорции. Даже текущее время, Оператор сверился с наручными часами, шло верно и без перебоев. Но возврат в точку отсчета не происходил. Кириллу было нужно время. Но его у Оператора не было.

– Собираемся, – Шац уже был одет и складывал в кожаную походную сумку оружие.

Тон Вадима Ароновича не подразумевал и малейшего возражения. Хотя возразить Кириллу было как раз нечего. За всё время с момента неудавшегося возврата в точку отсчета он не проронил и слова, если не считать невнятного лепета о сбое системы.

Кирилл захлопнул терминал и закинул аппарат в рюкзак. Он ещё раз скользнул глазами по трём трупам. Намеренно не задерживаясь взглядом на мёртвых телах, он автоматически отмечал аккуратные отверстия на головах двух мужчин, изуродованное ножевыми ранами тело Севастьянова... Чёрт побери, Кирилл видел зверства и похуже, так почему именно Шац остался со своими трупами в реальности? Почему именно Кирилл стал тем самым Оператором, который не вернул Клиента в условленное время? Не может быть, чтобы он стал первым провалившимся заказ Клиента. В конце концов, он не настолько невезучий.

– Нам нужно убраться отсюда. Никогда и никому не отмываться на этом месте преступления. Мы ведь можем уйти отсюда? – Шац показал на терминал. – Не стоит дожидаться гостей.

После краткой вспышки ярости после незакрытой петли времени, Вадим Аронович оставался сдержанным и собранным, в его тоне даже сохранялись оттенки вежливости. Оператор помотал головой – точка возврата была во времени и не зависела от их местоположения, они могли уйти. Он закинул рюкзак на спину и в этот момент входная дверь распахнулась. Кирилла обдал свежий воздух.

– Тук-тук, кто заказывал суши?

Веселый немного истеричный и скрипучий мужской голос парализовал Кирилла. Оператор застыл спиной к входной двери, так и не продев вторую руку в лямку рюкзака. Он поборол желание вновь зажмуриться и впился взглядом в Шаца. Вадим Аронович как раз направлялся к выходу, он был одет и в правой руке держал свою похожую на торпеду походную сумку. И без того обтянутые кожей скулы Шаца побелели от сжатых челюстей. Кирилл находился между Шацем и неизвестным посетителем. Он медленно развернулся в сторону двери.

Мужчина в плотных темных джинсах и красной поло уже миновал прихожую и застыл в двух шагах от Кирилла. Незваному гостю было далеко за пятьдесят. Чуть ниже среднего роста, коренастый, с короткой как у Шаца стрижкой, он с нелепым видом оглядывал помещение. В руках мужчины гроздьями повисли не менее шести пакетов с суши.

– Тебя-то кто звал, Юра, – устало и немного обреченно выдавил Шац.

– Суши вот привез.

Юра приподнял пакеты с коробками еды в качестве доказательства своих слов. На его лице, покрытом сетью глубоких морщинок, застыло недоумение. Он несомненно уже разглядел мёртвые тела, глубоко посаженные серые глаза растерянно оглядывали помещение, переходя с одного трупа на другой. Наконец взгляд остановился на Вадиме. Лицо мужчины резко изменилось, а взгляд стал жёстким. Он видимо хотел что-то сказать, уже открыл рот и сделал шаг назад, но Вадим Аронович среагировал быстрее.

Шац разжал руку с сумкой, и пока торпедообразный саквояж падал, уже приблизился к мужчине, сократив расстояние в несколько метров двумя то ли шагами, то ли прыжками. Еще не сблизившись с Юрой, он выбросил вперед руку. Удар в горло как будто совсем не потревожил так некстати появившегося мужчину, он лишь крикнул и прекратил пятиться. Через мгновение Вадим Аронович был уже сзади невольного свидетеля тройного убийства. Кирилл толком не рассмотрел всю серию ударов, в которую вошли тычок ногой под колени, пара болезненных ударов по почкам.

С головокружительной скоростью Вадим Аронович уложил скрючившегося Юрия на полу. Шац с сомнением посмотрел на Кирилла, словно обдумывая попросить ли того о помощи, но быстро отказался от своей мысли и приступил к самостоятельным действиям. Через считанные секунды Юра был стреножен брючным ремнём, его руки заломлены за спину и плотно зафиксированы лямкой от торпедообразной сумки. Рот перевязан разорванной простыней.

– Юра, Юра.

Вадим Аронович наконец присел на лавку. Связанный Юра отчаянно мычал. Тугая повязка практически не пропускала звуки. Шац с видимым усилием поднялся, переступил через разбросанные пакеты с японской едой и взял с пола небольшую сумочку Юры. Быстро проверив содержимое, он убрал в карман брюк ключи от машины и деньги.

– Уходим, – бросил Кириллу Вадим Аронович.

Кирилл подхватил сумку Шаца, поправил на спине рюкзак с терминалом, аккуратно обошёл связанного и поспешил вслед за Вадимом Ароновичем. Напоследок он бросил взгляд на связанного Юру. Мужчина отчаянно хрипел и ёрзал на полу, его глаза налились кровью и яростно буравили Кирилла. Оператор был рад, что не слышит всей гневной тирады пленника. Самодельный кляп плотно закрывал рот связанного мужчины, он мог дышать только носом.

– А если у него насморк? – спросил на крыльце Кирилл и это были его первые внятные слова за последние несколько часов.

Шац ничего не ответил, он внимательно рассматривал выход из банного комплекса. Настало время покинуть место преступления.

Они беспрепятственно прошли по петляющей между домиками-баньками и могучими соснами дорожке до самого выхода. В летнем кафе из семи столиков только за одним расположился посетитель. Мужчина в красной бейсболке задумчиво что-то черкал в блокноте, он не посмотрел на Шаца и Оператора, как раз сейчас официант подавал клиенту фирменный шашлык. Никого из охраны Севастьянова и его сопровождающих на улице не оказалось. Хоть в чём-то повезло.

Вадим Аронович вышел за пределы банного комплекса и облегченно вздохнул. Они уже были на парковке, по трассе пролетали машины, сумерки окончательно уступали место ночной темноте.

– У вас работают камеры? – неожиданно спросил посетитель в красной бейсболке.

– Видеонаблюдение? – сообразительный официант бросил взгляд на одну из камер, закрепленную на одной из сосен. – Муляжи. Только это секрет, – молодой человек подмигнул и заговорщицки добавил. – Для безопасности была мысль вести съемку, но у нас публика солидная. Многие гости бывают в приватной компании, если вы меня понимаете. А ведь они, как правило, в законных отношениях, – добавил официант для полной ясности.

– Понимаю, – лаконично ответил мужчина в красной бейсболке и сделал какую-то пометку в блокноте.

Официант подозрительно посмотрел на блокнот одинокого посетителя. Пожалуй, он сболтнул лишнее. Мужчина потерял к нему всякий интерес и, немного помявшись у столика, официант наконец ушёл.

Мужчина в красной бейсболке отпил пиво и одной затяжкой докурил тлеющую в пепельнице сигарету. Он придвинул к себе шашлык и с аппетитом принялся ужинать.

Глава 5

День первый. Пятница. Екатеринбург.

Белый X5 мерно мигал аварийкой, в открытое окно заплывал теплый сладковатый от множества росших на лугу трав воздух. То затихая, то вновь набирая силу трещали насекомые. Цикады? Нет, откуда на Урале цикады. Пожалуй, обычные кузнечики или сверчки.

Шац остановился здесь после тридцати минут бешеной гонки. Он не проронил ни слова за весь путь, неожиданно остановился и несколько раз ударил кулаком в середину руля. Клаксон обиженно захлебывался под кулаком Вадима Ароновича. Шац быстро вышел из машины, практически выбежал и даже не закрыл дверь. Кирилл никогда бы не подумал, что в короткое слово «сука» можно вложить столько отчаяния. Ночь была не такой уж и тёмной. Полная луна освещала дорогу и поле справа. По левой стороне дорожного полотна монолитной стеной замерли деревья. Смешанный лес из хвои и берез безучастно наблюдал за одинокой машиной, не мешал волнением крон, не оттягивал на себя внимание.

Вадим Аронович сидел на обочине и смотрел в сторону бескрайнего поля. Кирилл не сводил глаз со своего Клиента. Он ли его подвёл, должна ли его грызть совесть? За три года он сотни раз сдерживал ярость и накатывающую рвоту, мечтал о возмездии для собственных Клиентов, представлял их опозоренными, раскрытыми в своих зверствах и извращениях, представших с обречёнными лицами и поникшими фигурами перед законом и общественностью. Так почему он переживает из-за Шаца? Только ли потому что по обычным меркам Фирмы Вадим Аронович был незатейливым убийцей или он, Клиент, подкупил его подчеркнутым тактом и сдержанной вежливостью? Наверное, ответ крылся в другом. Кирилл чувствовал ответственность. И отвращение к жертве Шаца – Севастьянову.

Кирилл ощущал себя беспомощным. После тройного убийства он ожидал другого. Ему мерещились погони и перестрелки, вереницы полицейских патрулей и озлобленные бандиты. Но наяву ничего не происходило. Совсем ничего. Только летняя ночь, сверчки и притихший Клиент.

Шац поднялся с земли, отряхнул брюки и вернулся к машине. Он молча забрал смартфон Кирилла и зашвырнул его в кусты у обочины. Распотрошив рюкзак, Шац выкинул в другую сторону дороги ноутбук. Некоторое время разглядывал терминал и, так ничего и не сказав, обошёл BMW и сел за руль. Вадим Аронович пристегнулся ремнём безопасности, выключил аварийку и выехал на дорогу. Похоже, в отличие от Кирилла у него был план.

День второй. Суббота. Екатеринбург. Улица Академическая.

Дверь плавно поддалась лёгкому нажиму. Мужчина слегка поморщился, вспомнив противный, разъедающий мозг, скрип железных петель. Смазать петли было первым вложением в эту съемную квартиру. Ещё до покупки стола и техники, кофеварки и аквариума с золотой рыбкой. Аквариум. Он всегда хотел иметь аквариум из иностранных фильмов, обычный стеклянный сосуд, напоминающий раздутый пузырь или пакет с водой, только с отрезанным горлышком. Никаких систем очистки воды, подачи кислорода, минимум пластмассовых декоративных водорослей. Одинокая, как и он сам, золотая рыбка. Временное, как и у него, жилище.

Строго говоря он арендовал только комнату в двухкомнатной хрущевке. Устный договор был на вторую, маленькую комнатку, путь к которой лежал через большой зал. Поначалу такое решение казалось верным. Он заменил межкомнатную дверь, поставил усиленный врезной замок и лично проложил интернет кабель в свои владения. Только вот Петя стал быстро надоедать. Здоровая паранойя была тревогу: если уж собутыльники Пети, зачастую черпавшие недюжинные силы в алкоголе, и не раскроют всех секретов арендатора, то рано или поздно, взломают дверь и вынесут всю аппаратуру.

Петя был арендодателем. Он давным-давно миновал тот нежный возраст, когда его имя ещё не трансформировалось в увесистое Пётр, однако, сам представлялся не иначе как Петей, не считая подобное обращение к взрослому человеку предпенсионного возраста чрезмерно неформальным. Собственник «изысканных двухкомнатных апартаментов в тихом центре был готов сдать часть жилплощади любому интеллигентному путешественнику», а также «был рад неспешным взрослым беседам с интеллектуально развитым человеком». Что подразумевалось под «взрослыми» беседами у Пети уточнить не удалось, в момент сдачи комнаты он не был в состоянии вести внятный диалог.

Петя оказался запойным алкоголиком. В моменты просветления он и правда был склонен к обстоятельным беседам, сопровождая все свои слова бодрым иканием.

Теперь горе-собственник квартиры жил в дальней, меньшей из двух, комнате собственной жилплощади. Почти каждое утро он принимал неизвестный ему препарат и запивал безвкусную пилюлю обильными порциями алкоголя. Арендатор щедро снабжал гостеприимного хозяина напитками и закуской, но не выпускал из собственной квартиры. Точнее из маленькой комнаты, в которой вместе с узником размещались стеллажи водки, нехитрая еда, помойное ведро для естественных отправления несчастного арестанта, а также кушетка и телевизор.

Арендатор прошёл в узкую прихожую и беззвучно закрыл дверь. Петли опять не подвели. Соседям не стоило знать график жильцов этой квартиры. Для их собственного блага. Пусть Анна Дмитриевна, старушка из квартиры напротив, спит спокойно и не присматривается к «спокойному мужчине, снимающему у Пети комнатку».

«Спокойный мужчина» снял красную бейсболку и повесил спортивный головной убор на единственный крючок. Где-то за тумбочкой валялась оторванная утром планка с пятью крючками, но вешать её обратно было бессмысленно. Как и любой ремонт пока ты в петле времени. Когда последняя сессия закроется, тихий арендатор сюда больше не вернется.

Он на несколько секунд задержался у зеркала, попытался взъерошить редкие русые волосы, но быстро сдался – после пятидесяти и без того негустая шевелюра несла сокрушительные потери как по количеству, так и по качеству волос. Хотя он не седел. Волосы оставались светлыми, как и двадцать, и сорок лет назад. Он прошёл на кухню, налил воды из полупустой пятилитровки и одним махом осушил эмалированную кружку. Не включая свет, переместился в комнату. Несколько компьютеров и мониторов мигали и светили индикаторами. Он сел в кресло и замер, всматриваясь в золотую рыбку, нарезающую замысловатые фигуры в небольшом круглом аквариуме.

– Мне нужно пару минут.

Он привык разговаривать с самим собой. Эта странность появилась ещё в детстве, проявившись в полной мере в студенческие годы и окончательно закрепившись в дальнейшем. Мужчине было лень анализировать такую особенность. Отчим зло называл его аутистом, что возможно частично было правдой.

Опустив голову на спинку кресла, мужчина бессмысленно уставился в потолок. А затем ненадолго закрыл глаза. Спать не хотелось. Адреналин уже не будоражил, он находился в этой петле далеко не в первый раз, эмоции притупились, а новизна первых суток давно стёрлась.

Не открывая глаз, он помассировал виски, покачал головой, разминая шею, и наконец решил, что готов к работе. Перед несколькими часами сна было необходимо внести корректировки сегодняшней сессии в сводную таблицу. Даже его математический мозг не справлялся с множеством анализируемых данных, не мог держать в памяти все засекаемые временные промежутки. Мужчина открыл глаза, выпрямился и придвинул к себе разлинованную общую тетрадь. Половина листов формата А4 были испещрены цифрами. В течение нескольких минут графы первого дня текущей петли времени были заполнены.

– Ну и что им делать? – он оторвался от записей и вновь заговорил сам с собой. – К кому обратиться? Если бы мне пришлось сорвать сессию, я... ну не знаю. Хотя нет знаю. Пристрелил бы клиента и свалил из страны. Спрятался. Только у этого Кирилла смелости не хватит. Не та закалка... Шац он другой. Он решительный. Но тоже не готов на крайности. Пока не готов. Поэтому-то мы им и помогаем. Заблудившихся нужно направить. Дать ориентир.

Он взял со стола ноутбук. Проверка писем, многочисленные логины и пароли. Мужчина сверхъестественно быстро работал и переключался между всплывающими окнами. Разные браузеры, ядовитый интерфейс большинства форумов и спрятанных в глубины даркнета страничек. Он действовал уверенно и последовательно. Наконец мужчина вздохнул и закрыл ноутбук.

– Как и ожидалось, пока никакой активности. У нас-то всё с тобой под контролем? – спросил он вполне серьезно у золотой рыбки, пучившей глаза из аквариума – Наш друг Петя? Хорошо, давай проверим данные, чтобы исключить субъективизм и эмоции.

Мужчина встал и ушёл в дальний конец комнаты. Несколько мгновений постоял у двери, ведущей в комнатку хозяина квартиры. Никаких звуков безвредный пьянчужка не издавал, удовлетворенно хмыкнув, мужчина достал из потрепанного фанерного чемодана современный саквояж и вернулся к креслу. Усевшись на своё прежнее место перед золотой рыбкой, он открыл саквояж и нежно провел рукой по металлическому корпусу увесистого старомодного дипломата.

– Новые значительно легче. Ох уж эти их новомодные штучки, – золотая рыбка сделала круг по аквариуму, словно в знак солидарности. – У сотрудников практически нет простора для творчества, только функция. И эту функцию постоянно урезают. Таковы общемировые тенденции. Я могу их понять. Их, хозяев всего этого банкета. Они боятся. Да-да, боятся, – рыбка беззвучно открывала рот, наверняка имея своё мнение по обсуждаемому вопросу, но её никто не хотел слушать. – Они боятся лишней информации и, скажем так, нежелательных инициатив. Поэтому их терминалы объединены в сеть и поддерживают только одну петлю. В мои времена каждый такой аппарат, – он похлопал дипломат рукой, – был ого-го какой добычей! Поэтому они и придумали отрубать терминалы дистанционно. Нажали кнопку где-то в Москве или, например, Иваново, и через считанные мгновения терминал в Париже стал грудой бесполезного железа. Надо признать решение изящное. Ведь именно я его придумал! – он гордо посмотрел на золотую рыбку, ожидая похвалы и признания.

Мужчина достал дипломат и отбросил ненужный кожаный саквояж. Некоторое время ушло на пальпирование царапин и зарубок. Это стало обязательным ритуалом. Дипломат прошёл многое, выжил на настоящей войне, бойне, в которой они оба должны были сгинуть. Как отработанный материал, как допустимый сопутствующий ущерб.

Отбросив неприятные воспоминания, он резко распахнул дипломат. Экран терминала серии СВЛ-16 был открыт на текущей сессии. Судя по показателям состояние Пети, хозяина квартиры, оставалось стабильным.

– Вот же здоровье у человека. Соплей перешибешь, на вид задохлик задохликом. Пьёт уже лет двадцать, а сердце качает. Мда...

Он всегда умел делать несколько дел одновременно. Вот и сейчас, ведя неспешную беседу то с самим собой, то с бессловесной рыбешкой, мужчина изучал показатели жизнедеятельности Пети, оценивал риски для его здоровья, и вновь одиноко разглагольствовал в тёмной комнате.

Перед сном нужно было проверить и другие открытые сессии.

Глава 6

День второй. Суббота. Екатеринбург.

Вадим Аронович припарковал машину в частном секторе, долго звонил в калитку и с кем-то переговаривался по встроенному домофону. Затем он вернулся к Кириллу, занял свое место на водительском сиденье и сохранял молчание добрых полчаса. Потом появился он. Огромный, бочкообразный детина словно материализовался в воздухе, вынырнул из ниоткуда и напугал Оператора до непроизвольного крика. Незнакомец приблизился к ним со стороны Кирилла, сложив руки большим кольцом, он прислонился к стеклу, и видимо в чем-то убедившись, постучал костяшкой пальца по стеклу.

Вадим Аронович отдал великану ключи, и они с Кириллом пересели в белую Camry. Шац опять кружил по окраинам города, белая тойота то выезжала в густонаселенные районы Екатеринбурга, то опять ныряла в темные улицы частого сектора. Кирилл окончательно запутался в их перемещениях, он давно перестал следить за дорогой и только обнимал свой неработающий терминал.

Наконец они прибыли на место, с третьего захода нашли место на забитой парковке и направились к многоэтажному дому. На торце здания светила табличка с красивым названием: улица Ясная.

Их никто не встречал, и они топтались у закрытого медицинского центра, занимающего не меньше половины первого этажа многоэтажки. Через некоторое время появился великан. При свете уличных фонарей он оказался больше похожим на человека, хотя всё равно приводил Кирилла в трепет своими ужасающими габаритами. Оператор ни разу в жизни не видел таких крупных азиатов, а широкое круглое лицо и немного раскосые глаза не оставляли сомнений в его этнической принадлежности.

– Закрыто, – озвучил очевидное Вадим Аронович, показывая взглядом на дверь.

– Надо с чёрного.

Азиат провёл их через двор, попутно открыв целых три зарешеченных двери с кодовыми замками, которыми жильцы защищали свой двор от наркоманов и других непрошенных гостей. Внутри медицинского центра оказалось темно, но азиат, занимая собой чуть ли не весь коридор, уверенно пошёл налево. Одна из дверей многочисленных кабинетов была приоткрыта, пробивающийся оттуда свет не оставлял Кириллу и его спутникам иного маршрута.

Их встретил обаятельный, излучающий энергию и уверенность мужчина. Он полусидел на столе, опершись на столешницу. Хозяин кабинета демонстративно положил рядом с собой пистолет и коротко поприветствовал Вадима Ароновича.

– Сделал? – спросил Шац.

– И жену, и дочь, – медленно ответил мужчина, не меняя позы.

– Спасибо, Паша, – облегченно выдохнул Вадим Аронович.

В квадратном кабинете, по прикидкам Кирилла не больше тридцати квадратных метров, повисла пауза. Оператор и Шац стояли перед Павлом, за ними шумно дышал бочкообразный азиат.

– У меня, Вадик, телефон разрывается, – облокотившийся на стол мужчина показал вибрирующий телефон. – А ты толком ничего не объяснил. Нурлан перегнал машину Юры. Глупо было её брать.

– Психанул, – коротко ответил Шац. – Всё должно было закончиться не так. Только ты можешь понять. Оператор, – Вадим Аронович показал на Кирилла.

– Оператор? – на лице Павла появился интерес.

Кирилл облегченно выдохнул. Он понял задумку Шаца и даже успел мысленно одобрить такое решение. Они приехали к человеку, который знал о петлях времени и похоже был достаточно авторитетным для помощи в сложившейся ситуации. Несмотря на недружелюбный прием, Павел производил впечатление доброго дядюшки, способного решать любые проблемы.

– Павел Дыжин, – представился Кириллу хозяин кабинета.

Павел внимательно выслушал рассказ Шаца, изредка перебивая вопросами. Он предсказуемо подозрительно посматривал на Оператора, но разрешил Нурлану выйти из кабинета. Они расселись в разные стороны. Павел пересел за стол, на кремовое кожаное кресло, Вадим Аронович расположился на удобном на вид диванчике, а Кирилл деликатно устроился на обычном офисном стуле.

Терминал торжественно расположили на журнальном столике. Все трое не отрывали от устройства глаз и, наверное, напоминали археологов нашедших непонятную, но однозначно ценнейшую реликвию. Только бесконечная вибрация телефона Дыжина нарушала тишину в кабинете после рассказа Шаца.

– Удивил ты, Вадик, – наконец сказал Дыжин. – Я думал у тебя яйца с горошинку. Это ж надо придумать, дядю Мишу завалить.

– Ублюдок он, – только и ответил Шац.

– Согласен, – вполне радостно подхватил Павел. – Только я бы не решился его завалить. Да никто бы не решился. Хотя он не только здесь всем надоел. Сколько он уже в Москве? Лет пять. Дядя Миша не дипломат, он как двадцать пять лет назад был бульдозером, так и остался. Никакой изящности. А амбиции, да помноженные на деньги... Понимаешь к чему я клоню?

– Без понятия, – честно ответил Вадим Аронович.

– А я к тому, что врагов у него много.

– Мне он не враг, – через силу выдавил Шац.

– Враг, враг. Причём кровный, – Павел вышел из-за стола и опять облокотился пятой точкой на столешницу. – Я знаю, что ты ему Машу приписываешь. И свою вину за неё чувствую, не уберег. Сто раз обсуждали. Меня ты в своих петлях времени не убивал?

– Нет, – Вадим Аронович смотрел в пол.

– И на том спасибо. Ситуация дрянная. Три жмурика за тобой. Москвичи с дядей Мишей из спецслужб были. Подробностей не знаю, сейчас этих служб как грязи, любые три буквы соедини и что-нибудь грозное получится. Как у боксеров с их поясами. Ладно, лирика. Короче, по силовым линиям тебя точно прижимать будут. А ещё сам дядя Миша. Тут местные на тебя обидятся. И шалупонь, и ребята посерьезнее. Этот, – Дыжин показал на Кирилла, – нам похоже не помощник.

– Я готов помочь, – вскинулся Кирилл, даже чуть привстал со стула, но тут же притих. – Только не знаю как.

– Не знаю как, – передразнил его Дыжин. – Ты мне ответь, как же это у вас с Фирмой вашей связи нет?

– Я получаю указания через личный кабинет, у меня никогда не было необходимости задавать вопросы, – пояснил Оператор. – Периодически с нами связываются, проводят беседы.

Разные места, разные люди. Еще по дороге из этих бань я попытался зайти в кабинет, посмотреть входящие письма, но система меня не пустила.

– Что значит не пустила?

– Неверный логин или пароль, – пробормотал Кирилл и развел руками.

– Хорошо, – не сдавался Павел. – Вот, например, терминал, такой серьезный аппарат и через него нет связи?

– Нет. Никаких передатчиков или типа того. Нельзя допустить помехи, иначе возможны фатальные для сеанса нарушения.

– Ну я смотрю он и без помех отказался работать.

– Он работает, – горячо запротестовал Кирилл. – Видите, он отражает текущий сеанс. Тут дело в другом, терминал не реагирует на любые команды, как если от компьютера отсоединить клавиатуру. Хоть застучись по кнопкам.

– И нельзя провести, а точнее закончить петлю с другого устройства? Они как-то объединены?

Кирилл замялся, но отступить было некуда. Не он заварил эту кашу, не ему и решать допустимость дозволенного. В конце концов, после благополучного исхода Фирма сама разберется с излишне информированным Клиентом. Даст денег или скидку. Если же их поиски окажутся безрезультатными, то его скорее всего убьют прямо здесь. Тогда проблема раскрытия информации встанет для него в один ряд с глобальным потеплением и подарком классному руководителю на десятилетние окончания школы.

– Точно сказать не могу, – наконец выдавил из себя Кирилл. – Современные терминалы объединили в сеть. Но я не слышал о дистанционном замыкании петли.

– Ты и о подобной ситуации не слышал, – зло прокомментировал Дыжин. – Значит нужно поддавить на вашу Фирму, чтобы они разобрались и вернули всё на свои места. Давай я разобью его к чертям, и у них там, наконец, какой-нибудь сигнал разбудит ответственных за этот беспредел бездельников.

Дыжин вскочил со своего места и сделал шаг к столу с терминалом. Идея не показалась Кириллу удачной. Весь его опыт и обрывочная информация требовали остановить разгорячившегося Павла. Что-то подсказывало – устройство их единственная зацепка, без него они потеряют интерес для Фирмы. Кирилл вспомнил о пугающих слухах на форумах.

– Нет! – Оператор сам не ожидал от себя подобной резкости. – Пока рано. У нас ведь никто не отнимал надежду на возобновление связи.

– Согласен, – включился в разговор Вадим Аронович, сидевший до этого с полузакрытыми глазами в кресле. – Надо думать дальше. Предлагайте, Кирилл. Покопайтесь в памяти.

– Я стараюсь, – честно ответил Оператор.

– Тогда вскроем! – не унимался Павел. – Найдём толковых айтишников.

– Терминал самоуничтожится при вскрытии, – Оператор в очередной раз развеял планы Дыжина и неуверенно добавил. – По крайней мере так нас инструктировали.

– Если бы я читал все инструкции...

– Слишком большой риск, Паша, – опять заступился за позицию Кирилла Вадим Аронович.

Все трое снова бестолково посмотрели на терминал:

– Может поломка? Как вы там про клавиатуру сказали? Окислились контакты, мало ли что могло случиться, – Дыжин насупившись молчал, и теперь Шац задавал вопросы.

– Тогда была бы инструкция. Все случаи поломок фиксируются. Техники составляют полный отчёт, разрабатывают алгоритмы действий, протоколы.

– Что за техники? – живо включился Павел. – Где найти?

– Редкие специалисты, разбираются в железе. А искать их бесполезно.

– Туповатый он, Вадик. Совсем ведь толку нет. Или игру свою ведёт.

– Другого нет, – вздохнул Шац.

– Мне бы моего Алёшку сюда. Тот поопытнее и толковый парень. Мы с ним много дел делали.

Дыжин не стал упоминать совместные сеансы с его Оператором. В нарушение всех инструкций Оператор Алексей участвовал в сценариях Клиента, благо память об исчезнувших впоследствии событиях оставалась у них обоих. Разумеется, в отчётах Оператор не отражал своих сомнительных подвигов, отмечая при этом поступки Дыжина вполне полно и точно.

– Значит нужен твой оператор. У тебя когда следующая петля?

– Шустрый ты. Это же конфиденциально. А вдруг я тебя прихлопнуть решу, как ты Севастьянова порешил?

– Боюсь скоро меня и без тебя прихлопнут. По-настоящему.

– Не нагнетай, – Дыжин попытался изобразить примиряющий жест. – Нет у меня новой петли пока. Денег на этот наркотик заработать надо.

– Подожди, а давай сейчас? – Шац даже привстал с кресла от озарившей его идеи.

– Что?

– Аукцион на вечер. Давай, Паша. Выручай. Вызовем твоего Алексея, пусть помогает.

– Там только через сутки ведь... а к чёрту, давай пробовать.

Дыжин пересел к своему компьютеру и быстро открыл нужную страничку. Пальцы ловко скользнули над клавиатурой, едва заметно набирая логин и пароль. Кирилл ни разу не видел пользовательского интерфейса и об аукционах знал мало. По сути он знал о них только как о факте. Клиенты взаимодействовали с Firmой через сеть, тот самый даркнет. Для «мелких» Клиентов проводили аукцион, каждый выбирал временной промежуток и торговался с конкурентами за право купить петлю времени. «Крупных» Клиентов вели персональные менеджеры.

Придвинуться к Дыжину не получилось, место рядом с Павлом занял Шац.

Через считанные минуты Дыжин получил стандартное подтверждение и уведомление о предварительной стоимости услуг. Ценник его заметно порадовал. Павел вышел из-за стола и плюхнулся на диван. Он выглядел так, будто только что решил все проблемы.

– Вечером в субботу ждём. Алексей нам поможет, – уверенно заявил Дыжин. – Я не доверяю людям младше сорока, – он не очень-то тактично ткнул пальцем в сторону Кирилла. – Не то поколение. Поверхностные они. Поколение сто сорок.

– Это что ещё за поколение? – вяло отозвался Вадим Аронович, оставшийся за компьютером и изучавший подтверждение сеанса.

– Это из Твиттера. Есть такая социальная сеть. Кстати, ни разу прибыль не показывали за всю историю, можешь представить? А деньги в них вкладывают, мама не горюй.

– И что там с этой сетью-то? – Шац наконец оторвался от изучения документов.

– У них можно писать до ста сорока знаков в одном сообщении.

– Сейчас двести восемьдесят, – зачем-то вклинился в разговор Кирилл, ни разу в жизни не пользовавшийся Твиттером.

– Ну я это придумал не вчера, – немного обиженно парировал Павел. – Короче говоря, я вывел теорию. Все эти миллениалы, поколение Y и как их только там не называют, они поколение сто сорок. Все знания уместаются в сто сорок знаков. А разве можно изучить вопрос по такой крохе информации?

– Пожалуй, что нет.

Шац отвечал с неохотой, из вежливости. Он думал о том, что до вечера ещё больше четырнадцати часов, и всё это время его будут искать за тройное убийство.

– Ладно, оставим лирику и поговорим о плане Б. Этого уберем? – Дыжин опять говорил о Кирилле.

– Да пусть сидит. Чего уж, – отмахнулся Вадим Аронович.

– Как хочешь, – с неохотой согласился Павел. – Что если это не ошибка? Что если аппарат не ломался, как мы сейчас решили?

Кирилл и Шац недоуменно уставились на Дыжина.

– У Севастьянова много врагов. Сильных и влиятельных. Я с этого начал. Ты знаешь, что они ведут на всех нас досье?

– Кто?

– Операторы наши, – горько усмехнулся Дыжин. – Помощнички, мать их. Алексей, оператор мой, пьёт ещё хуже тебя, а ты мою политику знаешь. При знакомстве, человечка надо напоить и внимательно послушать, подготовиться к сюрпризам, так сказать. Они описывают всё, что ты наделал, и называют это сценарием. Каково?

– Звучит не очень, – отозвался Вадим Аронович. – Продолжай.

– Продолжаю, – охотно отозвался Павел. – Ты ведь только Севастьянова и убивал раз за разом, верно? – Шац неохотно кивнул. – Вадик, Вадик... не сложно было догадаться. Проблема в том, что об этом знаю не только я. Улавливаешь мысль?

– Обрубить сеанс и сделать убийство реальным, – задумчиво проговорил Шац.

– Идеальное убийство! – почти радостно подытожил Дыжин. – К тому же не зря у него, – на этот раз Павел ограничился только кивком в сторону Оператора, – связь с его конторой пропала. Думаю, парня тоже слили. Не факт, что на дядю Мишу заказ был. Может на собутыльников его московских.

Кирилл вжался в офисный стул и сидел тише воды. Он разом вспомнил все предупреждения в Сети, которые он считал глупостью и бредом. Вы продаёте безнаказанность клиентам, но за всё придется платить, – такая и подобные ей угрозы наводняли форумы даркнета.

– Валить тебе надо, – продолжил Павел. – Через Казахстан, потом в Израиль. Лена паспорт твой взяла, я проконтролировал. С Нурланом границу проедешь, там вариантов множество. Три убийства... если не менты, так тебя наши же порешат.

– Уезжать поздно. Колмаков уже, наверное, всех поднял.

– Юру надо было убить, – просто сказал Павел.

Вадим Аронович промолчал. Дыжин пролистал десятки пропущенных звонков на телефоне.

– Пора мне ехать, посмотреть кровавую баньку. А то пацаны не поймут, – Павел саркастически изобразил распальцовку. – Ложитесь спать. Может я нагнетаю.

Нурлан проводил Кирилла в одну из медицинских комнат. Запретив открывать окно, он протопал в коридор и захлопнул дверь.

Кирилл лежал с открытыми глазами. Он не мог связаться с Фирмой, его профиль был заблокирован, терминал будто завис и стал бесполезным. В случае обрыва сессии по инициативе Фирмы у них не оставалось шанса. Что может ЕГО клиент? «Это было понарошку, убивать этих людей не имел умысла и мотива, – Кирилл представил Шаца перед судом присяжных. – Прошу винить во всем Фирму, оказавшую мне ненадлежащую услугу. Нет, про Фирму ничего не знаю. Нет, никого конкретно обвинить не могу. Нет, доказательств своих слов суду предоставить не могу». Кирилл грустно усмехнулся.

Кстати Вадим Аронович хотя бы мог скрыться в другой стране, для самого Кирилла этот путь был закрыт. Похоже у Оператора оставалось только два союзника: известный ему менее суток Шац и знакомый всего пару часов Дыжин. Если мотивация Клиента была понятна, они были в одной упряжке, то Дыжин для Кирилла оставался тёмной лошадкой. Нет, мужик он, конечно, в себе уверенный и производит впечатление надёжного...

На улице рассветало.

Глава 7

Павел Дыжин делил свою жизнь на три этапа. Сначала он был ребенком, потом искал себя и, наконец, стал успешным предпринимателем.

Кто-то помнит себя лет с пяти. Он запросто наберет с десяток ярких эпизодов о днях рождения, первой банке сгущенки, любимой игрушке, сбитой коленке (обязательно правой), прыжков с гаражей или, например, первом детском поцелуе на площадке садика. Иные вспомнят и ясли, и пеленки, а есть и те, что на голубом глазу расскажут об утробе матери. Вспомнят музыку, что та слушала на сносках или ссору родителей. Без подробностей, только нечеткие эмоции. Это, конечно, болтуны. Павел Сергеевич Дыжин вёл отсчет своим воспоминаниям с шести лет. И именно с этого возраста (а не с рождения или, например, яслей) считал себя ребенком.

Паша родился в марте, в свои полные шесть лет он готовился перешагнуть заветный порог таинственной, но заманчивой школы. Школа только маячила где-то впереди, а пока, в июне, он отправился в деревню. Набираться сил перед первым учебным годом.

Его привезли на машине. Марку и цвет Паша не запомнил. Он помнил восторг мамы и гордость папы – автомобиль в семье появился за месяц до поездки, и советский мальчик смутно понимал грандиозность этой покупки. Личный транспорт производил интерес и в городе, но именно в деревне Паша оценил весь масштаб создаваемого автомобилем эффекта. Не успев разгрузиться у ворот дома, а Паша активно помогал перетаскивать сумки, узлы и корзины, городские гости были окружены плотной толпой чумазых туземцев. Мальчики и девочки с исцарапанными ногами, опухшими от укусов комаров руками и лицами, цокали языками, норовили постучать, потрогать, а самые шустрые и вскарабкаться на автомобиль. Кто-то просился посидеть в салоне, некоторые (видимо постарше) умудрялись вставлять заумные вопросы о лошадиных силах и даже карбюраторе. Паша нервничал. Он растерялся от всех этих криков и напора оравы нахальных детей. Он не знал слово карбюратор, а предположение о «лошадях под капотом» и вовсе заставляло сомневаться в умственной полноценности местных детей. Паша хотел, чтобы все чужие ушли, и он сделал для этого всё возможное. Паша заплакал.

По словам мамы Паша плакал, когда нервничал. А когда плакал Паша, нервничал его папа. Отец не очень понимал, как успокаивать нервы сына и эмпирическим путём нашёл универсальное решение – давать ребенку желаемое. Это шло вразрез с воспитательными методами мамы, но было неизменно эффективно. Пашин папа грубо разогнал чужих детей, а к вечеру и сам уехал в город. На ближайшие два с половиной месяца Паша остался с бабушкой, тёткой и обиженными детьми с соседних улиц.

Первый раз Пашу побили на следующий день. Он не сопротивлялся. Не знал, что можно. Первый раз он только плакал. Во второй раз он убежал. Как и в третий, четвертый и пятый. А потом в его жизни появился дядя Гриша.

Дядя Гриша работал в местном коровнике загадочным механизатором, всегда был в хорошем настроении, странно пах и приударял за Пашиной тёткой. Зачем он «приударял» тётку Паше было неизвестно. Пашу и самого били соседские дети, разумеется, он не видел в этом ничего хорошего. Благо сама тётка похоже не обижалась на дядю Гришу и даже поощряла его регулярные визиты. Бабка ворчала, но тоже была рада «рукастому мужику». В доме и хозяйстве была нужна умелая мужская рука, а дядя Гриша был несомненно одаренным человеком.

Вникнув в проблему мальчика, дядя Гриша не отвернулся от Паши. Вместо этого он начал давать советы.

– Имя у тебя неудачное, пацан, – первым делом авторитетно заявил дядя Гриша. – Павел, Паша, Пашка... тьфу. Имя должно греметь! Имя – оно как стержень.

– Наука об именах называется антропонимика, – вставила тётка. Она любила читать отрывные календари и газеты, Паша считал свою тётку очень начитанным человеком.

– Про индейцев слышал? – добавил дядя Гриша. – Вот у них имя человека определяло. Задавало жизненный путь.

Про индейцев Паша не слышал. Много позже он усомнился и в знаниях самого дяди Гриши по этому экзотическому в наших краях вопросу. Паша не хотел вникать в наверняка сложную науку антропонимику и был готов немедленно взять имя Гриша, но это оказалось невозможным.

– Так не пойдёт, – отрезал специалист по антропонимике. – Имя Григорий не просто так дается. Тут стержень нужен, да такой что двумя руками схватишься да не согнешь.

Дядя Гриша изобразил невидимый стержень и обхватил его обеими руками. Тётка противненько рассмеялась, чем расстроила Пашу ещё больше. Мелькнувшая была надежда решить все свои проблемы сменой имени рухнула, да ещё и под глупый смех родного как казалось человека.

– Но не грусти, – подмигнул дядя Гриша. – Вот фамилия у тебя какая?

– Дыжин? – с сомнением и вопросом ответил Паша.

– Дыжин! – пробасил дядя Гриша. – Мощная фамилия! Короткая и сильная. Так и представляйся. Не Пашка ты, слюнтяй городской, а Дыжин. И бей.

– Бить? – Паша надеялся обойтись без драк.

– С такой фамилией не страшно. С первого раза может не получиться. Но это потому что ты к фамилии ещё не привык. И ещё: бить надо первым.

И Паша начал бить. Остается только догадываться сколько раз с диким кличем «Дыжин» несся на своих противников городской мальчишка, но фактом оставалось одно: провожать в конце августа Пашу пришли почти все соседские дети.

Много лет подряд Паша Дыжин приезжал в деревню на всё лето. Дядя Гриша бросил «приударять» за тёткой мальчика, но самого парнишку не бросил. Паша по-прежнему ловил каждое слово деревенского механизатора, набирался уму-разуму и с сожалением возвращался в город перед первым сентября. За многие месяцы каникул, проведенных в деревне, Павел Дыжин усвоил две вещи: во-первых, нужно бить первым, а во-вторых... а во-вторых, принимать роды у коровы не страшно.

Дядя Гриша объяснял несмышлёному подопечному необходимость быть первым, сметливым и в меру наглым. А ещё он очень любил слово инициатива.

– Я беру это на складе, – механизатор показывал изогнутую несколько раз железяку. – И продаю твоей бабке. Честно?

– Честно, – неохотно соглашался Паша, подозревая подвох.

– Но беру бесплатно, – подсказывал дядя Гриша.

– Тогда нечестно, – радостно подхватывал способный ученик.

– Возможно, – снисходительно соглашался предприимчивый механизатор. – Но главное не в этом. Почём отдать деталь?

– За три? – наугад палил Паша.

– Рубля? – с усмешкой переспрашивал дядя Гриша. – Допустим. Но главное в другом, – на этом месте наставник становился серьезным. – Деталей у меня тридцать, а бабка твоя одна.

– И что делать? – сокрушенно спрашивал Паша.

– Не знаю. Но надо стремиться к масштабу. Инициативу проявлять.

– А может моей бабке две детали продать? – импровизировал ученик.

– Да ей и одна то не нужна. Это я инициативу проявил, убедил старушку. Только ты ей об этом не говори.

Откуда дядя Гриша узнал и главное почему так беззаветно полюбил слово инициатива осталось для Павла загадкой. Дядя Гриша вообще знал много разных слов. Он изысканно матерился и блистал вполне себе научной терминологией. Если талантливый и инициативный механизатор не знал значения слова, то он не колеблясь придумывал ему собственное значение, а так как в компетенцию дяди Гриши входили все возможные работы с техникой и коммуникациями, то деревенские охотно прислушивались к специалисту в наступавшем веке автомати-

зации. Проверить значение слов, обильно сыпавшимися от главной звезды сельского населенного пункта всё равно было некому.

Дела у дяди Гриши шли неплохо, и он регулярно грустил об упущенных возможностях. Паша грустил вместе с дядей Гришей. Паша мечтал организовать продажу всех тридцати деталей со склада дяди Гриши. Раз продавать можно то, что людям и не нужно, то тридцать человек всегда можно найти. Страна у нас большая.

Через несколько лет Павел Дыжин узнал о понятии сетевой маркетинг.

Тем временем жизнь менялась. В 90-м семья Дыжиных перебралась в Свердловск. Агония большого государства не особо коснулась подростка. Его заботой была новая школа, неизбежные стычки с одноклассниками и прыщи.

Сергей Дыжин, отец школьника, никогда не славился особо внимательным родителем, но сына любил и с тревогой ожидал перевода единственного отпрыска в новую школу. Паше нужны были друзья и Дыжин старший с радостью ухватился за новое знакомство – мало того, что семья Арона Шаца жила в соседнем подъезде, так и сам Арон был коллегой Сергея. Работа в одном НИИ, нередкие совместные посиделки и общий круг внерабочих интересов делали сына Арона Шаца идеальным другом для Павла Дыжина в новом городе.

Отдав сына на попечение местного мальчишки Вадима, Сергей Дыжин успокоился и окончательно перестал вникать в дела Павла. Сам молодой Дыжин взаимно не интересовался делами отца, ограничиваясь осознанием важности отцовской работы и его статусом доктора каких-то теоретических наук. Павел с интересом присматривался к скромному и тихому Вадиму.

Вадим Шац не был обычным тихоней. Парень всерьез увлекался биатлоном, неплохо учился и уверенно держал себя в коллективе. Рабочий микрорайон, в котором предстояло жить Дыжину был знаком одиночке Вадиму до каждого коллектора, гаража и заброшенного сарая. Павел заявил, что у Шаца нормальное имя и он готов с ним общаться. Несколько опешивший от такого начала Вадим принял предложение дружбы и немедленно приступил к назначенным родителями обязанностям по введению новичка в курс дела.

Конечно, сверстники пытались проверить новичка. Авторитет спокойного, но колючего Шаца не всегда охлаждал пыл одноклассников, но в большинстве случаев Павел Дыжин справлялся сам. Паша по-прежнему бил первый.

Вадим уравнивал бойкого Павла. Они вместе посещали кинозалы и дискотеки, ходили на парные свидания и оба неплохо учились. Павел хотел поступать в уральский политех, а Вадим на удивление не высказывал никаких пожеланий. Молодые друзья часто разглаговльствовали о будущем. Жизнь шла своим чередом, страна менялась.

После школы Вадим уехал. Он принял решение в одиночку, не обсуждая важный шаг в семье. Никто не мог понять переезда в Израиль. Но Вадим никогда не менял своих решений и Павел Дыжин остался один.

Павел с удивлением смотрел на изменяющийся город. На рынках появлялась одежда, недоступные раньше продукты и неизвестные до этого вещи. Паша очень хотел компьютер. Дыжина будоражили возможности тратить наличные и угнетало отсутствие этих самых денег. Впервые за многие годы он пристально посмотрел на отца. Перед глазами юноши был пример тяжелой интеллектуальной работы и скромные плоды этого труда. Павел Дыжин выбрал другой путь. Без Вадима никто не мог контролировать Павла.

Дыжин перестал посещать институт, влился в одну из мелких, растущих как грибы, группировок, занялся мелким рэкетом и даже служил мальчишкой на побегушках. Он не стеснялся низкого статуса, он учился и ждал.

Толковый и деятельный Павел прошёл большой путь. Он брал своё неумной энергией, отчаянной дерзостью и проявившимся цинизмом. Вскоре двадцатилетний Павел Дыжин стал бригадиром. Его непосредственные начальники, авторитетные бизнесмены братья Ветровы,

помимо прочего любили читать об итальянской мафии. Они пытались создать строгую вертикаль и решили сделать Павла своим консилиери. Рядовым бойцам Дыжина не полагалось знать личности братьев, а самим Ветровым было не досуг знакомиться с часто меняющимися «пехотинцами». Благодаря поддерживающейся философии инкогнито главарей, братья Ветровы могли позволить себе жить без охраны.

В январе 94-го авторитетные бизнесмены прогуливались по зимнему ночному городу. Снег оглушительно скрипел под тяжёлыми ботинками, морозный воздух выкуривал из организма алкоголь. Скорее всего бизнесмены строили дальнейшие планы, а может быть обсуждали проституток. Тема их ночной беседы была не так уж и важна, определяющим стала их роковая встреча с четверкой молодых и наглых крепких парней в надвинутых на глазах шапках. Богато одетые братья Ветровы сверкнули лакомой добычей в глазах мелких начинающих бандитов, а собственная значимость не позволила отдать вещи без боя.

Дыжину предстояло много о чем подумать. Мало того, что по иронии судьбы его боссы зарезали собственные бойцы, он оставался без главарей, регулировавших споры за дележ территории и прикрывавших Павла от милиции. Дыжину совершенно не хотелось становится главным, он знал насколько это не просто и прекрасно видел скоротечные карьеры других главарей. Павел подался к набирающему силу Севастьянову.

Михаил Севастьянов был везде. Его интересовали любые активы и сферы применения собственных сил и нарастающих капиталов. Сообразительный и незаурядный Павел Дыжин пришёлся ко двору человека, называемого не иначе как дядя Миша. Севастьянову, мужчине выдающихся габаритов и жизнерадостного славянского лица, льстило считать себя добрым дядюшкой для своих подчиненных. Жёсткую руку и получаемую львиную долю со всех начинаний подопечных, он компенсировал обильными застольями и мнимой заботой о преданной ему молодёжи.

Павел никогда не требовал много. Он практически каждый месяц приносил новые «темы» и прекрасно справлялся с деликатными поручениями. Кроме всего прочего Дыжин с лёгкостью освоил лизоблюдское обращение «дядя Миша» и производил впечатление преданнейшего из преданных людей. Севастьянов с интересом смотрел на способного парня, но не питал иллюзий, скоро от талантливого мальчишки придётся избавиться. Михаил Севастьянов не собирался возвращать конкурента, а Дыжин, помимо прочего, стремительно набирал авторитет и проявлял завидные организаторские навыки.

В середине 96-го года дядя Миша подписал Павлу смертный приговор.

В этот же день мама Павла и её подруга Валерия Шац пали жертвами симпатичного и убедительно продавца внушительных американских пылесосов. Павел застал дома обеих женщин, сестру Вадима и двух инженеров, вернувшихся с работы – Сергея Дыжина и Арона Шаца. Малообеспеченные, но неглупые инженеры сокрушённо качали головами над сомнительной техникой, их жёны причитали о собственной глупости, а шестнадцатилетняя Маша Шац поведала Павлу о непростительно высокой цене, выложенной «этими кукушками» за пылесосы. Паша позволил себе отметить расцветающую нежную красоту сестры своего пропавшего на Ближнем Востоке друга и внимательно выслушал историю глупой необдуманной покупки.

Ближайшие пару часов Павел Дыжин посвятил поиску обаятельного менеджера, расхваливающего чудо-технику женщинам, только недавно переставшим «заряжать» воду напротив телевизора. Сначала шустрый менеджер пытался юлить и продолжал рекламировать пылесос уже самому Дыжину. Однако, Павел был прагматичнее матери. Только благодаря искреннему рассказу ловкого менеджера об уловках и политике компании решение о немедленном возмездии было отложено. Павел Дыжин крепко задумался.

Скорее всего, дядя Миша облегченно выдохнул, когда Павел изложил ему суть своего нового проекта. Он выходил из старых «тем», переставал мешаться у Севастьянова под ногами и собирался с головой погрузиться в новый мир. Мир сетевого маркетинга, агрессивных про-

даж и всех сопутствующих смежных услуг. Разумеется, Михаил Севастьянов становился в новом начинании своего подопечного покровителем и основным бенефициаром.

Павел Дыжин наконец нашёл себя. Перспективы выбранной им ниши поражали воображение. Собственные таланты, помноженные на прикрытие Севастьянова, рисовали безоблачное будущее.

А ещё через год из Израиля вернулся Вадим. Похороны жестоко изнасилованной и задушенной Марии Шац прошли под проливным дождем.

Глава 8

День второй. Суббота. Калуга

Каждое утро отличается от любого другого. А если почти каждый день встречаешь летний рассвет в другом городе, то можно любоваться восходящим солнцем всякий раз по-новому. Женщина средних лет, энергично выпрыгнувшая из такси и немедленно направившаяся к припаркованному Volkswagen Multivan, не интересовалась рассветом и казалось совершенно не имела способности испытывать эмоции.

Женщина остановилась перед машиной и мельком взглянула на одноэтажное огороженное здание напротив. Она недовольно скривила верхнюю губу. Чтобы добраться к рассвету в Калугу из Москвы ей пришлось трястись на бюджетном такси. Сегодняшний день, чем бы не закончилась операция, уже не посвятить исследовательской работе. Для плодотворного труда ей был необходим полноценный сон.

В минивэне было на удивление комфортно. Двое мужчин нависали над сидящей в кресле женщиной, изучавшей видеозаписи на ноутбуке. Тишину в салоне стилизованного под транспорт доставки цветов фольксвагена нарушал невнятный хрипящий звук, сопровождающий видео, и нетерпеливое сопение одного из мужчин.

– И долго они там? – спросила женщина с акцентом человека, редко говорящего по-русски.

– С вечера. Окапываются, – отреагировал молодой, не больше тридцати пяти лет, мужчина.

– Прямо-таки окапываются? – искренне удивилась женщина.

– Ага, – кивнул тот же мужчина. – У него там куча гастарбайтеров, не меньше сорока голов. Кто с чем. Вилы, ножи, арматура. Долбанный Хэллоуин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.